Задания муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников по литературе

10 класс

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

1. Аналитическое задание.

Проведите целостный анализ текста – прозаического **ИЛИ** поэтического (на выбор).

Проза: выполните целостный анализ текста, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности развития действия, специфику авторской позиции, особенности повествовательной структуры, характеристика героев и их функции, речевая характеристика героев, детальные подробности, сопровождающие повествование.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Юрий Олеша

Лиомпа

Мальчик Александр строгал на кухне планки. Порезы на пальцах у него покрывались золотистыми съедобными корками.

Кухня выходила во двор; была весна, двери не закрывались, у порога росла трава, блестела пролитая на камень вода. В сорном ящике появлялась крыса. В кухне жарили мелко нарезанную картошку. Зажигали примус. Жизнь примуса начиналась пышно: факелом до потолка. Умирал он кротким синим огоньком. В кипятке прыгали яйца. Один жилец варил раков. Живого рака брал он двумя пальцами за талию. Раки были зеленоватого, водопроводного цвета. Из крана вылетали вдруг сами по себе две-три капельки. Кран тихо сморкался. Потом наверху заговаривали несколькими голосами трубы. Тогда сразу определялись сумерки. Один лишь стакан продолжал сиять на подоконнике. Он получал сквозь калитку последние лучи солнца. Кран разговаривал. Вокруг плиты начиналось разнохарактерное шевеление и потрескивание.

Сумерки были прекрасны. Люди ели подсолнухи, раздавалось пение, комнатный жёлтый свет падал на тротуар, ярко озарялась съестная лавка.

В комнате, по соседству с кухней, лежал тяжело больной Пономарёв. Он лежал в комнате один, горела свеча, флакон с лекарством стоял над головой, от флакона тянулся рецепт.

Когда приходили к Пономарёву знакомые, он говорил:

– Поздравьте меня, я умираю.

К вечеру у него начинался бред. Флакон смотрел на него. Рецепт тянулся, как шлейф. Флакон был бракосочетающейся герцогиней. Флакон назывался «тезоименитство». Больной бредил. Он хотел писать трактат. Он разговаривал с одеялом.

– Ну, как тебе не стыдно?.. – шептал он.

Одеяло сидело рядом, ложилось рядом, уходило, сообщало новости.

Больного окружали немногие вещи: лекарство, ложка, свет, обои. Остальные вещи ушли. Когда он понял, что тяжело заболел и умирает, то понял он также, как велик и разнообразен мир вещей и как мало их осталось в его власти. С каждым днём количество вещей уменьшалось. Такая близкая вещь, как железнодорожный билет, уже стала для него невозвратимо далёкой. Сперва количество вещей уменьшалось по периферии, далеко от него; затем уменьшение стало приближаться всё скорее к центру, к нему, к сердцу – во двор, в дом, в коридор, в комнату.

Сперва исчезновение вещей не вызывало в больном тоски.

Исчезли страны, Америка, возможность быть красивым или богатым, семья (он был холост)… К исчезновению этих вещей болезнь не имела никакого отношения: они ускользали по мере того, как он старел, – а настоящая боль пришла тогда, когда ему стало ясно, что и те вещи, которые постоянно двигались вровень с ним, также начинают удаляться от него. Так, в один день покинули его улица, служба, почта, лошади. И тут стремительно пошло исчезновение рядом, под боком: уже ускользнул из власти его коридор, и в самой комнате, на глазах у него, прекратилось значение пальто, дверной задвижки, башмаков. Он знал: смерть по дороге к нему уничтожает вещи. Из всего огромного и праздного их количества смерть оставила ему только несколько, и это были те вещи, которых он никогда бы, если бы это было в его власти, не допустил в своё хозяйство. Он получил подсов. Он получил страшные посещения и взгляды знакомых. Он понял, что не в силах защищаться против вторжения этих непрошеных и ненужных, как ему всегда казалось, вещей. Но теперь они были единственны и непреложны. Он потерял право выбирать вещи.

Мальчик Александр делал летающую модель.

Мальчик был гораздо сложнее и серьёзнее, чем думали о нём остальные. Он резал пальцы, истекал кровью, сорил стружками, пачкал клеем, выпрашивал шёлк, плакал, получал подзатыльники. Взрослые признавали себя абсолютно правыми. А между тем мальчик действовал совершенно по-взрослому, больше того, – он действовал так, как может действовать только некоторое количество взрослых: он действовал в полном согласии с наукой. Модель строилась по чертежу, производились

вычисления, – мальчик знал законы. Он мог бы противопоставить нападкам взрослых объяснение законов, демонстрацию опытов, но он молчал, потому что не считал себя вправе показаться более серьёзным, чем взрослые.

Вокруг мальчика располагались резиновые жгуты, проволока, планки, шёлк, лёгкая чайная ткань шёлка, запах клея. Сверкало небо. Насекомые ходили по камню. В камне окаменела ракушка.

К работающему мальчику подходил другой мальчик, совсем маленький, голый, в синих трусах. Он трогал вещи и мешал. Александр гнал его. Голый резиновый мальчик ходил по дому, по коридору, где стоял велосипед. (Велосипед педалью был прислонён к стене. На обоях педаль провела царапину. На этой царапине как бы и держался велосипед у стены.)

Маленький мальчик приходил к Пономареву. Голова малыша маячила над бортом кровати. У больного виски были бледные, как у слепого. Мальчик подходил вплотную к голове и рассматривал. Он думал, что в мире всегда было и бывает так: бородатый человек лежит в комнате на кровати. Мальчик только вступил в познавание вещей. Он не умел ещё различать разницу во времени их существования.

Он повернулся и стал ходить по комнате. Он видел паркетные плитки, пыль под плинтусом, трещины на штукатурке. Вокруг него слагались и распределялись линии, жили тела. Получался вдруг световой фокус, – мальчик спешил к нему, но едва успевал сделать шаг, как перемена расстояния уничтожала фокус, – и мальчик оглядывался, смотрел вверх и вниз, смотрел за печку, искал – и растерянно разводил руками, не находя. Каждая секунда создавала ему новую вещь. Удивителен был паук. Паук улетел при одной мысли мальчика потрогать паука рукой.

Уходящие вещи оставляли умирающему только свои имена.

В мире было яблоко. Оно блистало в листве, легонько вращалось, схватывало и поворачивало с собой куски дня, голубизну сада, переплёт окна. Закон притяжения поджидал его под деревом, на чёрной земле, на кочках. Бисерные муравьи бегали среди кочек. В саду сидел Ньютон. В яблоке таилось множество причин, могущих вызвать ещё большее множество следствий. Но ни одна из этих причин не предназначалась для Пономарёва. Яблоко стало для него абстракцией. И то, что плоть вещи исчезала от него, а абстракция оставалась, – было для него мучительно.

«Я думал, что мира внешнего не существует, – размышлял он, – я думал, что глаз мой и слух управляют вещами, я думал, что мир перестанет существовать, когда перестану существовать я. Но вот… я вижу, как всё отворачивается от ещё живого меня. Ведь я ещё существую! Почему же вещи не существуют? Я думал, что мозг мой дал им форму, тяжесть и цвет, – но

вот они ушли от меня, и только имена их – бесполезные имена, потерявшие хозяев, – роятся в моём мозгу. А что мне с этих имён?»

С тоской смотрел Пономарёв на ребёнка. Тот ходил. Вещи неслись ему навстречу. Он улыбался им, не зная ни одного имени. Он уходил, и пышный шлейф вещей бился за ним.

– Слушай, – позвал ребёнка больной, – слушай… Ты знаешь, когда я умру, ничего не останется. Ни двора, ни дерева, ни папы, ни мамы. Я заберу с собой всё.

На кухню проникла крыса.

Пономарёв слушал: крыса хозяйничает, стучит тарелками, открывает кран, шуршит в ведре.

«Эге, она судомойка», – подумал Пономарёв.

Тут же в голову пришла ему беспокойная мысль, что крыса может иметь собственное имя, неизвестное людям. Он начал придумывать такое имя. Он был в бреду. По мере того как он придумывал, его охватывал всё сильнее и сильнее страх. Он понимал, что во что бы то ни стало надо остановиться и не думать о том, какое имя у крысы, – вместе с тем продолжал, зная, что в тот самый миг, когда придумается это единственное бессмысленное и страшное имя, – он умрёт.

– Лиомпа! – вдруг закричал он ужасным голосом.

Дом спал. Было раннее утро – начало шестого. Не спал мальчик Александр. Дверь из кухни была открыта во двор. Солнце было ещё где-то внизу.

Умирающий шёл по кухне, согнувшись в животе и вытянув руки с повиснувшими кистями. Он шёл забирать вещи.

Мальчик Александр бежал по двору. Модель летела впереди него. Это была последняя вещь, которую увидел Пономарёв.

Он не забрал её. Она улетела.

Днём в кухне появился голубой, с жёлтыми украшениями гроб. Резиновый мальчик смотрел из коридора, заложив за спину руки. Пришлось долго и всячески поворачивать гроб, чтобы пронести в дверь. Задели полку, кастрюлю, посыпалась штукатурка. Мальчик Александр влез на плиту и помог, поддерживая ящик снизу. Когда гроб проник наконец в коридор, сделавшись сразу чёрным, резиновый мальчик, шлёпая сандалиями, побежал впереди.

– Дедушка! Дедушка! – закричал он. – Тебе гроб принесли.

1928

Поэзия: проведите поэтический анализ стихотворения Арсения Тарковского «Поэт», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: соотношение окружающего мира и мира лирического субъекта; специфику изображения художественного пространства; особенности поэтической организации. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Арсений Тарковский

Поэт

Жил на свете рыцарь бедный...

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задёрганная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой на пике.

Оперённый рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, –
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Чёрный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам сную по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.
1963

2. Творческое задание

Прочитайте сонет Леонида Сергеева. Определите авторов, о которых идёт речь в 7 и 8 строфе. По каким элементам текста вы пришли к своему ответу. Составьте комментарии к следующим историко-культурным реалиям:

Петрарка, Хайям, Шекспир, шедевр, сонет, рубаи.

О, наш 20 трудный век...

О, наш XX трудный век,
Все было, то ли еще будет.
Уж больно сложен человек,
А так охота выйти в люди,

Я б с удовольствием в эфир
Исполнил вечные куплеты,
Но есть уже "Война и мир",
Но есть Петраркины "Сонеты"

Но есть Хайямы "Рубаи",
Шекспира есть стихотворенья,
Я б сочинил стихи свои,
Но не хватает соображенья,

И мысль пришла ко мне сама,
Когда я сник от неудачи,
Коль недостаточно ума,
То надо облегчить задачу.

Берутся классика стихи,
Кладутся на аккордов пару,
И вот шедевр звучит в эфир
Без разделенья гонорара,

Коль так, даешь эксперимент,
Даешь шедевров звука кучу
Всех классиков в один момент
Элементарно я озвучу.

Прибежали в избу дети, с ними дядька Черномор,
Выпьем с горя, где же кружка, загудел могучий бор.
Ревет и стонет Днипр широкий в тумане моря голубом
Я нынче стал нестойкий, я что-то стал нестойкий
Кровавую пищу клюю за окном.

Мороз и солнце - день чудесный, а мачта гнется и скрипит,
Я Вас любил так искренно, так нежно, ах, Ольга, я тебя любил.
Он, наконец, явился в дом, наказан был порок
И вырвал грешный мой язык и лучше выдумать не мог.

О, наш XX, трудный век,
Все было, то ли еще будет,
Уж больно сложен человек,
А так охота выйти в люди.

Задания муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников по литературе

11 класс

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

1. Аналитическое задание.

Проведите целостный анализ текста – прозаического **ИЛИ** поэтического (на выбор).

Проза: выполните целостный анализ текста, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности развития действия, специфику авторской позиции, особенности повествовательной структуры, характеристика героев и их функции, речевая характеристика героев, детальные подробности, сопровождающие повествование.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Сергей Довлатов

Жизнь коротка

Левицкий раскрыл глаза и сразу начал припоминать какую-то забытую вчерашнюю метафору... «Полнолуние мятной таблетки...»? «Банановый изгиб полумесяца...»? Что-то в этом роде, хоть и значительнее по духу.

Метафоры являлись ночью, когда он уже лежал в постели. Записывать их маэстро ленился. Раньше они хранились в памяти до утра. Сейчас, как правило, он не без удовольствия забывал их. Упущенный шанс маленького словесного приключения.

Левицкий кинул взгляд на белый, амбулаторного цвета столик. Заметил огромный, дорической конфигурации торт. Начал пересчитывать тонкие витые свечи.

– Господи, – подумал Левицкий, – ещё один день рождения.

Эту фразу стоило приберечь для репортёров:

«Господи! Ещё один день рождения! Какая приятная неожиданность – семьдесят лет!»

Он представил себе заголовки:

«Русский писатель отмечает семидесятилетие на чужбине». «Книги юбиляра выходят повсюду, за исключением Москвы». И наконец: «О, Господи, ещё один день рождения!»...

Левицкий принял душ, оделся. Захватил почту. Жена, видимо, уехала за подарками. Герлинда – нечто среднее между родственницей и прислугой – обняла его. Маэстро прервал её словами:

– Ты упомянута в завещании.

Это была их старая шутка.

Она спросила:

– Чай или кофе?

– Пожалуй, кофе.

– Какой желаете?

– Коричневый, наверное.

Потом он расслышал:

– Вас ожидает дама.

Быстро спросил:

– Не с косой?

– Привезла вам какую-то редкость. Я думаю – книгу. Сказала – инкунабула.

Левицкий, улыбаясь, произнёс:

– De ses mains tombe le livre,

Dans leguel elle n'avait rien lu.

(«Из рук её выпала непрочитанная книга...»)

Регина Гаспарян сидела в холле больше часа. Правда, ей дали кофе с булочками. Тем не менее, всё это было довольно унизительно. Могли бы пригласить в гостиную. Благоговение в ней перемешивалось с обидой.

В сумочке её лежало нечто, размером чуть поболее миниатюрного дамского браунинга «Элита-16».

Регина Гаспарян происходила из благородной обрусевшей семьи. Отец её был довольно известным преподавателем училища Штиглица. Будучи армянином, сел по делу космополитов. В пятидесятом году следователь Чуев бил его по физиономии альбомом репродукций Дега.

Мать её была квалифицированной переводчицей. Знала Кашкина. Встречалась с Ритой Ковалёвой. Месяц сопровождала Колдуэлла в его турне по Закавказью. Славилась тяжёлым характером и экзотической восточной красотой.

В юности Регина была типичной советской школьницей. Участвовала в самодеятельности. Играла Зою Космодемьянскую. Отец, реабилитированный при Хрущёве, называл её в шутку «Зойка Комсомодеянская».

Наступила оттепель. В доме известного художника Гаспаряна собирались молодые люди. В основном поэты. Здесь их подкармливали, а главное – терпеливо выслушивали. Среди них выделялись Липский и Брейн.

Все они понемногу ухаживали за красивой, начитанной, стройной Региной. Посвящали ей стихи. В основном, шутливые, юмористические. Брейн писал ей из Сочи в начале Даманского кризиса:

Жди меня, и я вернусь, только очень жди,

Жди, когда наводят грусть жёлтые вожди...

Наступили семидесятые годы. Оттепель, как любят выражаться эмигрантские журналисты, сменилась заморозками. Лучшие друзья уезжали на Запад.

Регина Гаспарян колебалась очень недолго. У её мужа-физика была хорошая, так сказать, объективная профессия. Сама Регина окончила иняз. Восьмилетняя дочь её немного говорила по-английски. У матери были дальние родственники в Чикаго.

Семья начала готовиться к отъезду. И тут у Регины возникла неотступная мысль о Левицком.

Романы Левицкого уже давно циркулировали в самиздате. Его считали крупнейшим русским писателем в изгнании. Его даже упоминала советская литературная энциклопедия. Правда, с использованием бранных эпитетов.

Даже биографию Левицкого все знали. Он был сыном видного меньшевистского деятеля. Окончил Горный институт в Петербурге. Выпустил книгу стихов «Пробуждение», которая давно уже числилась библиографической редкостью. Эмигрировал с родителями в девятнадцатом году. Учился на историко-литературном отделении в Праге. Жил во Франции. Увлекался коллекционированием бабочек. Первый роман напечатал в «Современных записках». Год тренировал боксёров в фабричном районе Парижа. На похоронах Ходасевича избил циничного Георгия Иванова. Причём, буквально на краю могилы.

Гитлера Левицкий ненавидел. Сталина – тем более. Ленина называл «смутьяном в кепочке». Накануне оккупации перебрался в Соединённые Штаты. Перешёл на английский язык, который, впрочем, знал с детства. Стал единственным тогда русско-американским прозаиком.

Всю жизнь он ненавидел хамство, антисемитизм и цензуру. Года за три до семидесятилетнего юбилея возненавидел Нобелевский комитет.

Все знали о его чудачествах. О проведённой мелом линии через три комнаты его гостиничного номера в Швейцарии. (Жене и кухарке запрещалось ступать на его территорию.) О многолетнем безнадёжном иске против соседа, который чересчур увлекался музыкой Вагнера. О его вечеринках с угощением, изготовленным по древнегреческим рецептам. О его дуэли с химиком Булавенко, усевшимся в подпитии на клавиши рояля. О его знаменитом высказывании: «Где-то в Сибири должна быть художественная литература...»

И так далее.

О его высокомерии ходили легенды. Так же, как и о его недоступности. Что, по существу, одно и то же. Знаменитому швейцарскому писателю, добивавшемуся встречи, Левицкий сказал по телефону:

«Заходите после двух – лет через шесть...»

О чём говорить, если даже знакомство с кухаркой Левицкого почиталось великой удачей...

В общем, Регину Гаспарян спросили:

– Что ты собираешься делать на Западе?

В ответ прозвучало:

– Многое будет зависеть от разговора с Левицким.

Я думаю, она хотела стать писательницей. Суждениям друзей не очень верила. Обращаться к советским знаменитостям не хотела. Ей не давала покоя кем-то сказанная фраза:

«Шапки долой, господа! Перед вами – гений!»

Кто это сказал? Когда? О ком?..

Накануне отъезда Регина позвонила трём знакомым книжным спекулянтам. Первого звали Савелий. Он сказал:

– «Пробуждение» – это, мать, дохлый номер.

– В смысле?

– Вариант типа «я извиняюсь».

– То есть?

– Операция «туши свет».

– Если можно, выражайтесь попроще.

– Товар вне прейскуранта.

– Что это значит?

– Это значит – цены фантастические.

– Например?

– Как говорится – от и до.

– Не понимаю.

– От трёх и до пяти. Как у Чуковского.

– От трёх и до пяти – что? Сотен?

– Ну.

– А у Чуковского – от двух.

– Так цены же растут...

Регина позвонила другому с фамилией или кличкой – Шмыгло. Он сказал:

– Что это за Левицкий? И что это ещё за «Пробуждение»? Не желаете ли Сименона?..

Третий спекулянт ответил:

– Юношеский сборник Левицкого у меня есть. К сожалению, он не продаётся. Готов обменять его на четырёхтомник Мандельштама.

В результате состоялся долгий тройной обмен. Регина достала кому-то заграничный слуховой аппарат. Кого-то устроили по блату в Лесотехническую академию. Кому-то досталось смягчение приговора за вымогательство и шантаж. Ещё кому-то – финская облицовочная плитка. На последнем этапе фигурировал четырёхтомник Мандельштама. (Под редакцией Филиппова и Струве.)

Через месяц Регина держала перед собой тонкую зеленоватую книжку. Издательство «Гиперборей». Санкт-Петербург. 1916 год. Иван Левицкий. «Пробуждение».

Регина знала, что у самого Левицкого нет этой книги. Об этом шла речь в его знаменитом интервью по «Голосу Америки». Левицкого спросили:

– Ваше отношение к юношеским стихам?

– Они забыты. Это были эскизы моих же последующих романов. Их не существует. Последним экземпляром знаменитый горец растопил буржуйку у себя на даче в Кунцеве.

Зимой Регина получила разрешение на выезд. Дальше было всякое. Отвратительная сцена на таможне. Три месяца нищеты в Ладисполе. Душное нью-йоркское лето, когда они с мужем боялись ночью выйти из гостиницы. Первая контора, откуда её уволили с формулировкой «излишнее рвение».

Несколько рассказов в эмигрантской газете, за которые ей уплатили по тридцать долларов. Затем стремительное восхождение мужа – его неожиданно пригласила фирма «Эксон». А значит, собственный домик, поездки в Европу, разговоры о налогах...

Прошло лет шесть. Регина выпустила первую книгу. Она вызвала положительную реакцию. Кстати, одним из рецензентов был я.

Все эти годы она добивалась знакомства с Левицким. Через Гордея Булаховича познакомилась с его восьмидесятилетней кузиной. Но к этому времени та успела поссориться со знаменитым родственником. Конкретно, они заспорили – где именно стояла баня в родовом поместье Левицких – Ховрино.

Регина обращалась к Янсону, протоиерею Константину, дочери Зайцева – Ольге Борисовне.

Старый писатель Янсон ответил:

«Левицкий сказал обо мне Эдмунду Уилсону, что я, извините, говно...»

Отец Константин написал ей:

«Левицкий не христианин. Он слишком эгоистичен для этого. Адресочком его, виновен, не располагаю...»

Зайцева-Рейнольдс прислала какой-то берлинский адрес и записку:

«Последний раз я видела этого несносного мальчика в тридцать четвёртом году. Мы встретились на премьере “Тангейзера”. Он, помнится, сказал:

– Такое впечатление, что неожиданно запели ожившие картонные доспехи.

С тех пор мы не виделись. Боюсь, что его адрес мог измениться».

И всё-таки Регина получила его швейцарский адрес. Как выяснилось, адрес был у издателя Поляка. Регина написала Левицкому короткое письмо. Тот откликнулся буквально через две недели:

«Адрес вы знаете. После шести я работаю. Так что, приходите утром. И, пожалуйста, без цветов, которые имеют обыкновение вянуть. Постскриптум: не споткнитесь о мои ботинки, которые я ночью выставляю за дверь».

Сидя в холле, Регина задумалась. Почему этот человек живёт в отеле? Может быть, ему претит идея собственности? Надо бы задать ему этот вопрос. И ещё – что Левицкий думает о Солженицыне? Ведь они такие разные...

– Здравствуйте, Иван Владимирович!

– Моё почтение, – ответил рослый, коротко стриженный господин.

Затем он, не садясь, поинтересовался:

– Выпьете что-нибудь?

– У меня кофе... А вы?

Левицкий улыбнулся и медленно продекламировал:

Я пью неразбавленный виски,
Пью водку с зернистой икрой,

А друг мой, писатель Левицкий,
Лишь бабочек мучить герой...

– Это стихи одного моего приятеля.

И затем, после двух секунд молчания:

– Чем, сударыня, могу быть вам полезен?

Регина слегка наклонилась вперёд:

– Надо ли говорить, что я ваша давняя поклонница. Особенно ценю «Далёкий берег», «Шар», «Происхождение танго». Всё это я прочитала ещё дома. Риск лишь увеличивал эстетическое наслаждение...

– Да, – кивнул Левицкий, – я знаю. Это что-то вроде Поль д-Кока или Мопассана. Читаешь в детстве с риском быть застигнутым... Извините, чем могу служить?

Регина чуть смутилась. Главное, не делать пауз... А он и вправду женоненавистник...

– Я знаю, что у вас сегодня день рождения.

– Спасибо, что напомнили. Ещё один день рождения. Приятная неожиданность – семьдесят лет.

Левицкий вдруг перешёл на шёпот. Глаза его странно округлились:

– Запомните главное, – сказал он, – жизнь коротка...

Регина, преодолев смущение, выговорила:

– Разрешите кое-что преподнести вам... Я надеюсь... Я уверена... Короче – вот...

Левицкий принял маленькую жёлтую бандероль. Вскрыл её, достав из кармана маникюрные ножницы. Теперь он держал в руках свою книгу. Старинный шрифт, отклеившийся корешок, тридцать восемь листков ужасной промышленной бумаги.

Он раскрыл шестую страницу. Прочитал заглавие – «Тропинки сна». Вот он, знакомый неграмотный перенос – «смущение». Да ещё с непропечатавшимся хвостиком у «ща».

– О, Господи, – сказал Левицкий, – чудо! Где вы это достали? Я был уверен, что экземпляров не существует. Я разыскивал их по всему миру...

– Возьмите, – сказала Регина, – и ещё...

Она достала из сумки рукопись в узком конверте. Левицкий учтиво ждал. Давно разработанным усилием он подавил страдальческую гримасу на лице. Потом спросил:

– Это ваше?

Регина отвечала с должной небрежностью.

– Это мои последние рассказы. Не лучшие, увы. Хотелось бы... Если это возможно... Короче, ваше мнение... Буквально в двух словах...

– Вас интересует письменный отзыв?

– Да, знаете ли, буквально три слова... Независимо от...

– Я пришлю вам открытку.

– Замечательно. Мой адрес на последней странице.

Левицкий привстал:

– А теперь, извините меня. Процедуры.

Звякнув ложечкой, Регина отодвинула чашку. «Мог бы поинтересоваться, где я остановилась...»

Левицкий поцеловал ей руку:

– Спасибо. Боюсь, мои юношеские стихи не заслуживали ваших хлопот.

Он кивнул и направился в сторону лифта. Регина, нервно закуривая, пошла к вертящейся двери.

Левицкий поднялся на третий этаж. У порога своего номера остановился. Вынул из конверта рукопись. Оторвал клочок бумаги с адресом. Сунул его в карман байковых штанов. Приподнял никелированный отвес мусоропровода. Подержал на ладони маленькую книжку и затем торжествующе уронил её в гулкую черноту. Туда же, задевая стенки мусоропровода, полетела рукопись. Он успел заметить название «Лето в Карлсбаде». Мгновенно родился текст:

«Прочитал ваше тёплое ясное “Лето” – дважды. В нём есть ощущение жизни и смерти. А также – предчувствие осени. Поздравляю...»

Он зашёл в свой номер. Тотчас позвонил кухарке и сказал:

– Сыграем в акулину?

1988

Поэзия: проведите поэтический анализ стихотворения Иосифа Бродского, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: соотношение окружающего мира и мира лирического субъекта; специфику изображения художественного пространства; особенности поэтической организации. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Иосиф Бродский

* * *

Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам,
вдоль берёзовых рощ, отбежавших во тьме, к треугольным домам,
вдоль оврагов пустых, по замёрзшей траве, по песчаному дну,
освещённый луной, и её замечая одну.
Гулкий топот копыт по застывшим холмам – это не с чем сравнить,
это ты там, внизу, вдоль оврагов ты вьёшь свою нить,
там куда-то во тьму от дороги твоей отбегает ручей,
где на склоне шуршит твоя быстрая тень по спине кирпичей.

Ну и скачет же он по замёрзшей траве, растворяясь впотьмах,
возникая вдали, освещённый луной, на бескрайних холмах,
мимо чёрных кустов, вдоль оврагов пустых, воздух бьёт по лицу,
говоря сам с собой, растворяется в чёрном лесу.
Вдоль оврагов пустых, мимо чёрных кустов, не отыщется след,

даже если ты смел и вокруг твоих ног завивается свет,
всё равно ты его ни за что никогда не сумеешь догнать,
кто там скачет в холмах, я хочу это знать, я хочу это знать.

Кто там скачет, кто мчится под хладною мглой, говорю,
одиноким лицом обернувшись к лесному царю –
обращаюсь к природе от лица треугольных домов:
кто там скачет один, освещённый царицей холмов?
Но еловая готика русских равнин поглощает ответ,
из распахнутых окон бьёт прекрасный рояль, разливается свет,
кто-то скачет в холмах, освещённый луной, возле самых небес,
по застывшей траве, мимо чёрных кустов. Приближается лес.

Между низких ветвей лошадиный сверкнёт изумруд,
кто стоит на коленях в темноте у бобровых запруд,
кто глядит на себя, отражённого в чёрной воде,
тот вернулся к себе, кто скакал по холмам в темноте.
Нет, не думай, что жизнь – это замкнутый круг небылиц,
ибо сотни холмов – поразительных круп кобылиц,
из которых в ночи, но при свете луны, мимо сонных округ,
засыпая, во сне, мы стремительно скачем на юг.

Обращаюсь к природе: это всадники мчатся во тьму,
создавая свой мир по подобию вдруг твоему,
от бобровых запруд, от холодных костров пустырей
до громоздких плотин, до безгласной толпы фонарей.
Всё равно – возвращенье, всё равно даже в ритме баллад
есть какой-то разбег, есть какой-то печальный возврат,
даже если Творец на иконах своих не живёт и не спит,
появляется вдруг сквозь еловый собор что-то в виде копыт.

Ты, мой лес и вода, кто объедет, а кто, как сквозняк,
проникает в тебя, кто глаголет, а кто обиняк,
кто стоит в стороне, чьи ладони лежат на плече,
кто лежит в темноте на спине в леденящем ручье.
Не неволь уходить, разбираться во всём не неволь,
потому что не жизнь, а другая какая-то боль
приникает к тебе, и уже не слыхать, как приходит весна,
лишь вершины во тьме непрерывно шумят, словно маятник сна. *1962*

2. Творческое задание

Прочитайте стихотворение Г.Р. Державина «Решемыслу». Определите, о ком идет речь в стихотворении. По каким элементам текста вы пришли к своему ответу. Составьте комментарии к следующим историко-культурным реалиям:

Флакк, не кубарит кубарей, Минерва, возлежать на розах.

Г.Р. Державин

Решемыслу

Веселонравная, младая,
Нелицемерная, простая,
Подруга Флаккова и дщерь
Природой данного мне смысла!
Приди ко мне, приди теперь,
О Муза! славить Решемысла.
Приди, иль в облаке спустися,
Или хоть в санках прикатися
На легких, резвых, шестерней,
Оленях белых, златорогих,
Как ездят барыни зимой
В странах сибирских, хладом строгих.
Приди, и на своей свиреле
Не оного пой мужа, древле
Служившего царице той,
Которая в здоровье малом
Блистала славой и красой
Под соболиным одеялом.
Но пой, ты пой здесь Решемысла,
Великого вельможу смысла,
Наперсника царицы сей,
Которая сама трудится
Для блага области своей
И спать в полудни не ложится;
Которая законы пишет,
Любовию к народу дышит,
Пленит соседей без оков,
Военны отвращая звуки;
Даст и счастье и покров
И не сидит поджавши руки.
Сея царицы всепочтенной,
Великой, дивной, несравненной,
Сотрудников достойно чтить;
Достойно честью и хвалами

Ее вельмож превозносить
И осыпать их вкруг цветами.
Ты, Муза! с самых древних веков
Великих, сильных человеков
Всегда умела поласкать;
Ты можешь в былях, небылицах
И в баснях правду представлять, —
Представь мне Решемысла в лицах.
Скажи, скажи о сем герое:
Каков в войне, каков в покое,
Каков умом, каков душой.
Каков и всякими делами? —
Скажи, и ничего не скрой:
Не хочешь прозой, так стихами.
Бывали прежде дни такие,
Что люди самые честные
Страшилися близ трона быть,
Любимцев царских убегали
И не могли тех змей любить,
Которые их кровь сосали.
А он, хоть выше всех главою,
Как лавр цветет над муравою,
Но всюду всем бросает тень:
Одним он мил, другим любезен;
Едва прохаживал ли день,
Кому бы ни был он полезен.
Иной ползет, как черепаха,
Другому мил топор да плаха, —
А он парит как бы орел
И всё с высот далече видит;
Он в сердце злобы не имел
И даже мухи не обидит.
Он сердцем царский трон объемлет,
Душой народным нуждам внемлет
И правду между их хранит;
Отечеству он верно служит,
Монаршу волю свята чтит,
А о себе никак не тужит.
Не ищет почестей лукавством,
Мздоимным не прельщен богатством,
Не жаждет тщетно сан косить;
Но тщится тем себя лишь славить,
Что любит он добро творить
И может счастие доставить.

Закону божию послушен,
Чувствителен, великодушен,
Не горд, не подл и не труслив,
К себе строжае, чем к другому,
К поступкам хитрым не ревнив,
Идет лишь по пути прямому.
Не празден, не ленив, а точен;
В делах и скор, и беспорочен,
И не кубарит кубарей;
Но столько же велик и дома,
В деревне, хижине своей,
Как был когда метатель грома.
Глубок, и быстр, и тих, и сметлив,
При всей он важности приветлив,
При всей он скромности шутлив;
В миру он кажется роскошен;
Но в самой роскоши ретив,
И никогда он не оплошен.
Хотя бы возлежал на розах,
Но в бурях, зноях и морозах
Готов он с лона неги встать;
Готов среди своей забавы
Внимать, судить, повелевать
И молнией лететь в храм славы.
Друг честности и друг Минервы,
Васшед на степень к трону первый,
И без подпор собою тверд;
Ходить умеет по паркету
И, устремяся славе вслед.
Готовит мир и громы свету.
Без битв, без браней побеждает,
Искусство уловлять он знает;
Своих, чужих сердца пленит.
Я слышу плеск ему сугубый:
Он вольность пленникам дарит,
Героям шьет коты да шубы.
Но, Муза! вижу, ты лукава;
Ты хочешь быть пред светом права,
Ты Решемысловым лицом
Вельможей должность представляешь:
Конечно, ты своим пером
Хвалить достоинства лишь знаешь.

(1783)

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2015/2016 учебный год
Муниципальный этап

Задания для 7-8 классов

Задание №1

Составьте обращение к своим ровесникам с целью привлечения их к чтению книг. Порекомендуйте им 6 произведений, которые, на Ваш взгляд, должен прочитать каждый (вне школьной программы). Аргументируя свой выбор, составьте краткую аннотацию.

Задание №2

Напишите **отзыв** или **рецензию** на предложенный художественный текст, Охарактеризуйте тему, проблематику, жанр, сюжет, героев, композицию, стиль, художественную идею, определите авторскую позицию, а также выразите свое отношение к прочитанному.

Пётр Бормор

Дракон и котенок

Темной ночью Дракон опустился на лугу недалеко от стен дворца. Здесь по утрам выгуливали принцесс, и он намеревался завтра раздобыть себе новое домашнее животное. Найдя место, где трава была повыше и погуще, Дракон распластался на земле, подобрал крылья и приготовился ждать.

"Это хорошо, что я зеленый и плоский,-подумал он,- пока не нападу, никто меня и не заметит. Сами принцессы-то не кусаются, но у охранников, которые их сопровождают, очень неприятные жала."

И в этот момент кто-то ударил Дракона по морде. Совсем слабо, но весьма решительно. Дракон скосил глаза, пригляделся и увидел у себя под носом котенка. Котенок стоял, растопырив тощие лапки, выгнув спину горбом и распушив хвост; от этого он казался вдвое больше. И это хорошо, потому что иначе Дракон бы его даже не увидел.

-Ты чего?- удивился Дракон.

-Ничего,- ответил Котенок.- Я охочусь.

-На кого?

-На тебя.

Дракон моргнул, а Котенок важно объяснил:

-От вон той березы и до забора - мои охотничьи угодья. Раз ты сюда залетел - ты моя добыча.

-Да неужели?- усомнился Дракон.

-Точно-точно!- Котенок прыгнул вперед и накрыл лапками палец Дракона.- Я тебя поймал, теперь ты мой!

-И что ты будешь со мной делать?- Дракон заинтересованно склонил голову набок.- Съешь?

Котенок задумался.

-Нет. Не хочу я тебя есть. Ты красивый.

-А что хочешь?- спросил польщенный Дракон.

-Играть хочу. В кошки-мышки. Я буду кошкой, а ты - мышкой.

Дракон сел на хвост и озадаченно почесал лапой за ухом.

-Малыш, ты какой-то ненормальный. Я же Дракон! Ты меня должен бояться!

-Я никому ничего не должен!- вскинул мордочку Котенок.- Мы, кошки, делаем только то, что хотим. А я хочу играть.

-А больше ты ничего не хочешь?- прищурился Дракон.

-Хочу, конечно!- отозвался Котенок.- Я еще хочу, чтобы мне почесывали брюшко, поили меня молоком и катали на спине.

Дракон покосился в ту сторону, где громоздились в темноте башни королевского замка. "Да ну ее, эту принцессу!"- подумал он

-Ладно,- кивнул Дракон Котенку, который уже пристроился тереться мордочкой о драконью лапу, и бережно подхватил его когтем под брюшко.- Хочешь жить у меня?

-А ты будешь со мной играть?

-Буду. И молоком поить, и брюшко почесывать.

-Я согласен,- важно кивнул Котенок и вскарабкался Дракону на спину.- Все-таки хорошо, что я тебя не съел!

— А принцесса даже не узнала, какой прекрасной участи ей удалось избежать.

Задания муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников по литературе

9 класс

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

1. Аналитическое задание.

Проведите целостный анализ текста – прозаического **ИЛИ** поэтического (на выбор).

Проза: выполните целостный анализ текста, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности развития действия, специфику авторской позиции, особенности повествовательной структуры, характеристика героев и их функции, речевая характеристика героев, детальные подробности, сопровождающие повествование.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ

Шопен и Мендельсон

Одна женщина всё жаловалась, каждый вечер за стеной та же музыка, то есть после ужина старики соседи, муж с женой, как по расписанию, как поезд, прибывают к пианино, и жена играет одно и то же, сначала печальное, потом вальс. Каждый вечер шурум-бурум, татати-татата. Эта женщина, соседка стариков, смеясь, всем своим знакомым и на работе рассказывала об этом, а самой ей было не до смеха. Всяко ведь бывает: и голова болит, и просто хочется отдохнуть, невозможно ведь каждый вечер затыкать уши телевизором — а у стариков всё одна и та же шарманка шурум-бурум, татати-татата.

Они, старики, и выходили всегда только вместе, чинно и благородно семенили в магазинчик тоже по расписанию, раненько утром, когда взрослые, сильные и пьяные находятся на работе или спят, и никто не обидит.

Короче, со временем эта соседка даже узнала их репертуар, спросила довольно грубо, в своём шутливом стиле, столкнувшись с ними (они как раз

шли в магазинчик во всём светлом и выглаженном, как на бал, она в поношенной панамке, он в белой кепочке, глазики у обоих радужные, ручки сморщенные) — чё это вы всё играете, здравствуйте, не пойму — то есть она-то хотела сказать “зачем вы всё играете мешаете”, а они поняли ровно наоборот, всполошились, заулыбались всеми своими ровными пластмассовыми зубками и сказали, она сказала, старушка, «Песня без слов из цикла Мендельсона и вальс какая-то фантазия Шопена» (тьфу ты, подумала соседка).

Но всё на свете кончается, и музыка вдруг кончилась. Соседка вздохнула свободно, запела и завеселилась, она-то была одинокая брошка, то есть брошенная жена, вернее даже не жена, а так, получила по разъезду однокомнатную квартиру, и кто-то у неё поселился, жил, приколачивал полку на кухне, даже кое-что купил для снаряжения уборной как настоящий хозяин, пришёл с седлом в упаковке и поставил его на болты, приговаривая, что что же это за сиденье, сидеть нельзя. А потом вернулся обратно к себе к матери. И тут эта музыка каждый вечер за довольно тонкой, как оказалось стеной, вальс Шопена и с ошибочкой в одном и том же месте, с запинкой, как у застарелого патефона, можно убиться. Телевизор же стоял у другой стены, а здесь был диван, как раз патефон оказывался каждый вечер под ухом. То есть слух у этой соседки обострился как у летучей мыши, как у слепого, сквозь весь грохот телевизора она различала проклятых Мендельсона и Шопена.

Короче, внезапно всё кончилось, два дня музыка молчала, и спокойным образом можно было смотреть телевизор, петь или плясать, правда, кто-то отдалённо как бы плакал, как ребёнок пищит выше этажами, но это тоже кончилось. “Ну и слух у меня”, — потом сказала на работе эта соседка стариков, когда всё выяснилось, то есть что этот писк был писк мужа старушки пианистки, она была найдена не где-нибудь, а под мужем на полу, он уже, оказывается, давно лежал парализованный в кровати (“а я-то думала нет, я вроде их встречала, но это было ведь давно?” — сама с собой

продолжала этот рассказ молодая соседка), он лежал парализованный, а жена каждый вечер, видимо, играла ему свой репертуар под ухом у соседки, чтобы его, видимо, развеселить, а потом она как-то упала, умерла у его кровати, и он стал сползать, видно, к телефону и в конце концов рухнул на свою жену, и из этого положения всё-таки позвонил как-то, квартиру вскрыли, оба они уже были неживые, быстрый исход.

“Ну и слух у меня”, — жаловалась их молодая соседка всем подряд по телефону, вспоминая тот отдалённый писк или плач и рассчитывая то время, которое понадобилось (вечер и вся ночь и весь следующий день), чтобы старик дотянулся до телефона, это он пищал, старичок, видимо.

“Ну и слух у меня, — с тревогой думала соседка о будущих соседях и вспоминала про себя с любовью и жалостью Шопена и Мендельсона, — вот это были люди образованные, тихие, пятнадцать минут в день шумели, и всё, кто придёт им на смену? И умерли с разницей в день, как в сказке, жили долго и умерли с разницей в день”, — примерно так она думает, оглушённая тишиной, Шопен, Шопен и Мендельсон.

Поэзия: проведите поэтический анализ стихотворения Владимира Соколова, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: соотношение природного мира и мира лирического субъекта; специфику изображения художественного пространства; особенности поэтической организации. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Паровик. Гудок его глухой.
Ночь. Платформа. Думы об одном.
Снег метался, тонкий и сухой,
Железнодорожным полотном.

Извивался в свете фонаря,
Шел в порывах. Дрогнул паровик,
Белый дым, волнуясь и паря,
Снизу вверх окутал мост на миг.

Мост был выгнут через полотно.
Кто-то шел по этому мосту.

Шел незримо в клубах дыма, но
Сбоку луч вонзился в темноту.

И на дым летучий, на ничто
Пала человеческая тень.
Тень людская: кепка и пальто.
Дым качнулся, свет умчался в темь.

Паровик прогрохал под мостом,
Электричка встречная прошла.
И исчезла в воздухе пустом
Тень, что дымом поймана была.

Я не знал, что делать мне с тоской
О часах текучих... А кругом
Снег метался, тонкий и сухой,
Задыхался и бежал бегом.

Только я запомнил не его.
Свет и дым, и чью-то тень навек.
И не знал об этом ничего
Тот, мостом прошедший человек.

(1959)

2. Творческое задание

Прочитайте сонет Леонида Гроссмана. Определите, кому он посвящён. По каким элементам текста вы пришли к своему ответу. Составьте комментарии к следующим историко-культурным реалиям:
Петр, Дон Жуан, Бахчисарайский фонтан, Дельвиг, Киприда, Монтень.

Был полдень жизни. Тени залегли
На обликах Петра и Дон Жуана,
Напев Бахчисарайского фонтана
И чумный пир, смолкая, отошли.

Скончался Дельвиг. В пропасти земли
Ушел Вильгельм из невского тумана,
И страсть кавалергардского шуана
Уже смутила сердце Натали.

Но он, еще не чувствуя обиды,
Устав на буйных праздненствах Киприды,
Был тих и прост. В покое зрелых сил,
Не веря в страсть, заздравных чаш не пеня,
Он терпкое вино сомненья пил
Из синих книжек мудрого Монтеня.